
ФЕНОМЕН «СПЕЦЕЕДСТВА» В РАННЕМ СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО ПИСЬМАМ В РЕДАКЦИЮ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ» 1922–1928 ГГ.)

В.И. Ким

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается феномен «спецеедства», активно проявившийся в ранней истории советского общества на фоне непростой внутрисполитической ситуации. Данное явление приобрело «исторический смысл» сразу после Октябрьской революции и достигло своего пика на рубеже «великого перелома» в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Автор ставит вопрос о правомочности существования точки зрения, согласно которой власть рассматривается как изолированная от общества сила, и наличии/отсутствии общественной поддержки действиям властей, связанных с репрессиями, которые были направлены против специалистов в инженерно-технической сфере.

Ключевые слова: власть, советское общество, социализм, НЭП, «письма во власть», «спецеедство», пролетариат, интеллигенция.

Введение

Обоснование темы. В 1920-е гг. представители *бывших* привилегированных сословий и слоев царской России – в данном случае «старые» инженерно-технические кадры – стали политически и юридически притесняемой частью советского общества, что породило такое явление, как «спецеедство». Специфичность такого явления, как «спецеедство», еще недостаточно изучена в рамках обновленных методологических концепций и методических приемов анализа информации по ранней советской истории.

Обзор литературы. В современной историографии отмечается, что начало широким репрессиям против технических специалистов («спецов») было положено в 1928 г. «Шахтинским процессом» и продолжено «делом Промпартии» в 1930 г. По мнению ряда исследователей – методологически ориентированных на тоталитарную концепцию, «Шахтинский процесс» в сочетании с так называемым «кризисом хлебозаготовок положил начало целой эпохе радикальной трансформации социальной структуры, связей и отношений в обществе – всего того, что в совокупности получило название «“Великого перелома” и, по существу, стало началом сталинских репрессий» [1].

Другая группа исследователей переводит запуск механизма репрессий из разряда односторонних властных решений и изучается с учетом отношения «низов» и диалога «диктатура–общество» [2].

Источники. Источниковой базой для данной статьи послужили письма рабочих в редакцию «Рабочей газеты» в 1922–1929 гг. Преимуществом данного источника является отсутствие внешней цензуры по сравнению с сообщениями, специально отобранными и в итоге публиковавшимися в центральных газетах. Такая информационная база позволяет конструировать выводы, исходя из обыденного сознания рабочих масс.

Цель и задачи. Целью статьи является выявление связи между началом репрессий и настроениями в рабочей среде. В задачу работы входит анализ отношения рабочих к «спецам» и поиск связей между началом репрессий и настроениями в рабочей среде.

Исследование проблемы

Под термином «спецеество» понимают комплекс критических замечаний и действий со стороны рабочих, направленных против «старой» технической интеллигенции и фабрично-заводской администрации в первые десятилетия советской власти.

Данное явление было обусловлено логикой событий, обеспечивших победу большевиков в Октябрьской революции 1917 г. и в последовавшей за ней Гражданской войне. Социально-культурные антагонизмы между условиями, «перекочевавшие» в раннюю советскую действительность из «царского вчера», обострили противостояние между пролетариатом и интеллигенцией, частью которой являлись инженерно-технические и управленческие кадры. Составители издания «Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги» считают, что «одним из социально-политических последствий этатизации и нисходящей мобильности явилось массовое пополнение групп служащих и специалистов различными категориями лишившихся привилегированного статуса так называемых “бывших” («старое» чиновничество, офицерство, дворянство и т.д.), культурный и образовательный уровень которых позволял выполнять функции работников умственного труда. Такого рода социальное пополнение превращало интеллигенцию в “группу риска”, объект дискриминаций и репрессий со стороны институтов власти» [3].

На такое социальное положение промышленных «спецов» в условиях НЭПа накладывалось воочию наблюдаемое материальное неравенство между управленцами и рабочими. «Спецеество» как одно из явлений ранней советской действительности, помимо того, что было связано с производственными и культурно-образовательными причинами (этическими, материальными, профессиональными и др.), проявлялось на общем политическом фоне эпохи как часть продолжавшейся после революции классовой борьбы.

Письма и сообщения труженников фабрик и заводов в редакции газет в 1922–1927 гг. дают примеры подлинной активности рабочих, еще не мимикрировавшей под идеологическим давлением большевистской диктатуры.

Данное пятилетие явилось временем ожесточенной внутрипартийной политической борьбы за власть посредством, главным образом, отстаивания выбора той или иной экономической модели социалистического развития [4]. В этой борьбе большую роль играли отношения между рабочими, с одной стороны, и «старыми спецами», а также управленцами, – с другой.

Необходимо объяснить, почему в рабочей среде первых лет пролетарской диктатуры существовало явление «спецедействия». Так, М.Ю. Мухин считает: «Причины преследований “старых специалистов” в авиастроении приблизительно совпадали с причинами аналогичных процессов в советской индустрии вообще. Видимо, тут слились два независимых процесса. С одной стороны, номенклатурные выдвиженцы, существенно расширившие свое влияние в советском обществе на рубеже 1920-30-х гг., стремились вытеснить прежние кадры из среднего звена управления ... С другой стороны, диспропорции в экономическом развитии СССР, допущенные в годы первой пятилетки, уже к 1930 г. привели страну к предкризисному состоянию. Советскому руководству срочно потребовался кто-то, на кого можно было, во-первых, направить гнев рабочих масс, а во-вторых, – списать провал “социалистического наступления”. В результате старые специалисты оказались в тисках между заводскими выдвиженцами, нуждавшимися в повышении административного статуса и карьерном росте, и советским руководством, подыскивающим “козла отпущения” за провал пятилетнего плана» [5].

Стоит отметить, что подобный вывод относится ко времени конца 1920-х – начала 1930-х гг., не затрагивая НЭПа, во время которого вызревали предпосылки для начала репрессий технической интеллигенции со стороны советского руководства.

В годы НЭПа рабочие проявляли свое недовольство «спецами» достаточно красноречиво: «Я сидящий удивляюсь как это так свобода равенство и нельзя говорить правду этим зарвавшимся хозяйчикам» [6]. «Что нужно сделать чтобы приподнять производительность труда на нужную высоту... Нужно сократить лишних спецов... Проверить производственные знания спецов... Уничтожить спецовское издевательство над рабочими... Уничтожить разногласия между спецами и рабочими» [7]. «Главные виновники, конечно нач. цеха и его помощники, мастера их недосмотр, но они всегда найдут на что свалить вину и вся тяжесть опять таки целиком ляжет на плечи рабочих...» [8].

В период до начала репрессий против инженерно-технических кадров, то есть до 1928 г., рабочее недовольство редко выходит за рамки этических, материальных и профессиональных причин – недовольство начислениями премий, распределением зарплаты, сверхурочными работами, «сдельщиной», бездеятельностью завкомов и т. д. [9].

До 1928 г. в большинстве писем рабочих «во власть» на фоне неприятия ими «спецов» еще не ставятся идеологические и политические вопросы, тем более задача классово-борьбы. Между тем у рабочих формируется противоречивая картина действительности, где государственная пропаганда провозглашает диктатуру пролетариата, но в целом иерархические отношения остаются дореволюционными.

В то же время обращает на себя внимание значительное число критических сообщений. Рабочие апеллируют к правительству, как к *своей*, рабочей власти. С достаточной долей уверенности можно говорить, что в первое десятилетие «пролетарской диктатуры» вновь воплотилась достаточно традиционная для российской истории модель «хорошего царя и плохих бояр». Подобное положение вызывало когнитивный диссонанс в рабочей среде, и должно было рано или поздно получить соответствующий результат.

К концу внутривластной «фракционной» борьбы в 1928–1929 гг. письма рабочих уже свидетельствуют об осознании ими негласной, но целенаправленной поддержки «сверху» пролетарского «спецедействия». Письма «во власть» становятся крайне объемными и обстоятельными. Налицо уже не просто недовольство «спецами» в среде рабочих, но и обнаруживаемое «пролетариями» в разных ситуациях прямое *вредительство* «старых» специалистов и управленцев. «Вредительство» трактовалось как острая форма классово-борьбы, как «отчаянное сопротивление отживающих классов», и в первую очередь «буржуазных специалистов», что связывалось с успехами индустриализации [10].

Рабочие все тщательнее обращают внимание как на специалистов из так называемых «*бывших*», так и на «новые» партийные кадры, которые начинают «отрываться от масс»: «рабочая газета помоги рабочим и привяжи языки нашей администрации желающей как бы скорее пришло “Старое времячко”» [11]. «В то время, как “Рабочая газета” чуть не ежедневно печатала сводки “пятерки”, восхвалявшие работу шахты и организаций, на шахте творились безобразия невероятнейшие. Систематически, из месяца в месяц, катилась вниз добыча ... Папирный – типичный представитель старого, дореволюционного штейгера “не за страх, а за совесть” работающего на своего хозяина» [12]. «Прошлое время настало. Наш красный директор прикатил на фабричном рысаке» [13].

Целый комплекс сообщений в «Рабочую газету» касается вопросов так называемой «самокритики». В них «пролетарии от станка» приводят примеры отсутствия равенства и справедливости даже в своей собственной рабочей среде. Дело в том, что, несмотря на революцию и ее лозунги, в Советской России также стала появляться «рабочая аристократия» и «любимцы партии». Конечно, они определялись теперь другими критериями и получали другие стимулирующие факторы для своих устремлений. Кроме того, работники предприятий стали крайне жестко критиковать своих коллег, которые в морально-нравственном плане не соответствовали пропагандируемо-

му образу «советского рабочего»: стяжательство, саботаж, вредительство, антигосударственную и антипартийную агитацию. «Высокая заработная плата вещь, конечно, хорошая. Этого отрицать никто не станет. Но всему есть предел в том числе и заработной плате. Гнать верх безконечно, хотя бы отдельной группе рабочих, в особенности в наше время, когда по всем отраслям хозяйства идет усиленная борьба за снижение себестоимости, нельзя... Конечно люди работали сверхурочное время. Но разве это оправдание? Разве у нас безработица изжита? Разве безработный не был бы доволен заработать 1/3 этого заработка?» [14]. В данном сообщении чрезвычайно важно то, что правильность дифференциации заработной платы поставлена под сомнение.

В рабочей среде стали все чаще неоднозначно смотреть даже на «собрата рабочего», который выделяется из общей массы трудового коллектива. При таком положении общего недовольства трудом и жизнью в советских условиях, вызванного несоответствием реального и декларируемого, нужно было только указание «сверху». Это подкрепляет существующую точку зрения о политической ангажированности Шахтинского дела и вообще репрессий против инженерно-технических кадров в тот период. Тем не менее, «политический заказ» основывался на реальных, а не придуманных причинах, сама рабочая масса, всем ходом НЭПа с его перекосами, была *готова* к тому, чтобы включиться в «травлю». Если добавить к данному обстоятельству тот факт, что по переписи 1928 г. особая группа под названием «руководящий персонал» из общего количества в 328 тыс. чел. наполовину состояла из людей моложе 30 лет [15], то есть «выдвиженцев», которые имели свои причины теснить *бывших*, то логика развития событий имела безальтернативный характер – вина «старых» инженерно-технических кадров должна была быть найдена...

В этой связи трудно согласиться с встречающимся в историографии мнениями о тоталитарном режиме, контролирующем умы советских граждан. Примеры рабочего недовольства достаточно красноречиво свидетельствуют о гражданской ответственности самих рабочих в создании режима репрессий. Экономические процессы, начавшиеся в конце 1920-х гг., связанные с индустриализацией и коллективизацией, были обусловлены не прихотью одного человека или даже целой партии, а подпитывались настроениями большинства рабочего класса, от имени которого и осуществлялась государственная политика «диктатуры пролетариата» [16].

Выводы

Конфликт «рабочие – «спецы» необходимо оценивать в контексте «революционного духа эпохи» социалистических преобразований. Тенденционное освещение и преувеличение роли «великой личности» в период 1920-х гг. необоснованно. Большевицкая власть умело заключила массовое явление рабочего «спецеидства» в политическую «обертку». Кроме того, обнаружило

себя то, что недовольство «старыми» специалистами (и их поддерживающими «назначенцами») было проявлено именно «снизу», то есть рабочими от станка.

Исторически обусловленное явление «спецеедства», наряду с другими причинами, вело молодую советскую страну к процессам репрессий, которые не следует ассоциировать исключительно с субъективным «произволом властей». Среди рабочего класса «совершенно очевидно царил сильный антиинтеллигентский настрой во время революции и в 1920-е гг., когда на “буржуазных специалистов” постоянно нападали как на недобитков привилегированных классов времен царизма, ухитрившихся сохранить свои привилегии, несмотря на революцию. Во время шахтинского процесса 1928 г. рабочие не только разделяли мнение прокурора, что подсудимые-инженеры виновны в измене и саботаже, но склонны были идти даже дальше («снести им головы – еще мягкое наказание», «надо расстрелять их всех, иначе не будет нам покоя»») [17].

Таким образом, можно утверждать, что радикализм рабочих масс был использован в раскручивании «маховика» репрессий. Тем не менее, необходимо признать, что существовали и объективные причины, которые способствовали данному процессу и пользовались поддержкой рабочих.

Те реальные производственные проблемы и конфликты между рабочими и «старыми» специалистами и управленцами, которые повсеместно существовали на предприятиях, были использованы высшим государственным руководством в своих целях. Вместе с тем реальное наличие такого рода конфликтов и, главное, их увеличение после 1928–1929 гг., о чем писали работники от станка в редакции центральных газет, красноречиво свидетельствуют о поддержке рабочим классом политического курса ВКП(б).

В конечном итоге воспользовавшись кризисами НЭПа и сыграв на чаяниях как рабочих, так и выдвигенческого бюрократического аппарата, советское правительство добилось того, что новая экономическая политика уступила место политике индустриализации и коллективизации, хотя советские рабочие исходили большей частью из своих материальных интересов, а «выдвигенцы» из карьерных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. С.А. Красильников. М., 2011. С. 42.
- [2] *Гребениченко С.Ф.* Дискуссионные проблемы отечественной истории XX века. М., 2004. С. 13–23.
- [3] Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. С. 43.
- [4] *Grebenichenko S.* A new method of revealing alternative sandbifurcation points in the management of macroeconomic processes: Dynamic modelling of soviet economic regulation in the 1920s // Data Modelling – Modelling History. XI International Conference

- of the Association for History and Computing. August 20–24, 1996. Moscow, 1996. P. 103–104.
- [5] Мухин М.Ю. Советское руководство 1920–1930-х годов и авиастроительные инженерно-технические кадры. От ненависти до любви // *Россия в XX веке: Люди, идеи, власть* М., 2002. С. 156–157.
- [6] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 610. Оп 1. Д. 10. Л. 19.
- [7] РГАСПИ. Ф. 610. Оп 1. Д. 13. Л. 105.
- [8] РГАСПИ. Ф. 610. Оп 1. Д. 14. Л. 18.
- [9] РГАСПИ. Ф. 610. Оп 1. Д. 12. Л. 1–2; Д. 17. Л. 3.
- [10] Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. С. 11.
- [11] РГАСПИ. Ф. 610. Оп 1. Д. 16. Л. 3.
- [12] РГАСПИ. Ф. 610. Оп 1. Д. 238. Л. 8–13.
- [13] РГАСПИ. Ф. 610. Оп 1. Д. 16. Л. 2.
- [14] РГАСПИ. Ф. 610. Оп 1. Д. 17. Л. 13–14.
- [15] Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. С. 43.
- [16] Гребениченко С. Ф. Диктатура и промысловая Россия в 1920-е годы. М., 2000. С. 12–13.
- [17] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 266–267.

REFERENCES

- [1] *Shakhtinskiy protsess 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi*. Ed. by S.A. Krasil'nikov. Moscow, 2011, p. 42.
- [2] Grebenichenko S.F. *Diskussionnye problem otechestvennoj istorii XX veka*. Moscow, 2004, pp. 13–23.
- [3] *Shakhtinskiy protsess 1928 g.*, p. 43.
- [4] Grebenichenko S. A new method of revealing alternatives and bifurcation points in the management of macroeconomic processes: Dynamic modelling of soviet economic regulation in the 1920s. *Data Modelling – Modelling History. XI International Conference of the Association for History and Computing. August 20–24, 1996*. Moscow, 1996, pp. 103–104.
- [5] Mukhin M.Yu. Sovetskoe rukovodstvo 1920–30-kh godov I aviastroitel'nye inzhenerno-tekhnicheskie kadry. Ot nenavisti do lyubvi. *Rossiya v XX veke: Lyudi, idei, vlast'*. Moscow, pp. 156–157.
- [6] Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI), f. 610, op. 1, d. 10, l. 19. 105.
- [7] Ibid., d. 13.
- [8] Ibid., d. 14, l. 18.
- [9] Ibid., d. 12, ll. 1–2; d. 17, l. 3.
- [10] *Shakhtinskiy protsess 1928 g.*, p. 11.
- [11] RGASPI, f. 610, op. 1, d. 16, l. 3.
- [12] Ibid., d. 238, ll. 8–13.
- [13] Ibid., d. 16, l. 2.
- [14] Ibid., d. 17, ll. 13–14.
- [15] *Shakhtinskiy protsess 1928 g.*, 2011, p. 43.

- [16] Grebenichenko S.F. *Diktatura i promyslovaja Rossija v 1920-e gody*. Moscow, 2000, pp. 12–13.
- [17] Fitspatrik Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod*. Moscow, 2001, pp. 266–267.

**PHENOMENON OF “SPECIALIST-BAITING” IN EARLY SOVIET SOCIETY
(BASED ON LETTER MATERIAL TO THE «RABOCHAYA GAZETA»
NEWSPAPER OFFICE IN 1922-1928)**

V.I. Kim

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

This article deals with the phenomenon of «specialist-baiting» that actively developed in the early history of the Soviet Union due to the difficult conditions of home politics. This phenomenon obtained its new meaning just after the October Revolution and reached the peak of its development between the 1920–1930s. The conflict between workers and specialists should be valued in the contest of the «revolutionary spirit» of the epoch of socialist transformations. The historically based phenomenon of «specialist-baiting» was one of the reasons that were driving the country to the processes of repressions that in the most cases are associated only with the despotism of power. Real industrial problems and conflicts between workers and “old” specialists and managers existed at all the enterprises and were exploited by the government. At the same time the objective existence of that kind of conflicts increased by 1928–1929 that is proved by the fact that workers wrote about it to the main newspaper editorial offices straight from the working place. This fact does demonstrate that the proletariat followed the political course of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Ultimately, the New Economic Policy, having used the NEP crisis and the workers and promoted bureaucratic apparatus appeals, gave the way to the politics of industrialization and collectivization.

Key words: power, Soviet society, socialism, NEP, «letters to the power», «specialist-baiting», proletariat, intelligentsia.